

УДК 82.09

О.И. Жуковская**РАННИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ***Гуманитарный институт НовГУ*

A review of early works of Virginia Woolf in a context of her literature biography is given in the article. The novel "Memoirs of a Novelist", in which Virginia Woolf polemicalizes with traditional Victorian canons of biography and appeals to the topics actual for her mature age, is thoroughly analyzed. Basic materials for the analysis were essays, novels, dairies, letters and autobiographical notes of the writer.

С раннего детства Вирджиния Вулф была погружена в литературную среду своего времени благодаря отцу — Лесли Стивену, известному писателю и биографу. С детских лет было решено, что Ванесса (сестра Вирджинии) будет художником, а Вирджиния — писателем [1]. Родители девочек поощряли их творческие интересы, примером чего может служить выпуск рукописной семейной газеты «Гайд Парк Гэйт Ньюз», в которой девятилетняя Вирджиния уже писала свои первые статьи (в издании участвовали также ее брат Тоби и сестра Ванесса), они в основном касались новостей семьи Стивен, хотя были попытки создания и художественных произведений.

«Гайд Парк Гэйт Ньюз» является ценным источником, позволяющим воссоздать атмосферу, царившую в доме Стивенов в ранние годы жизни будущей писательницы — годы счастья и любви, еще не отягощенные семейными трагедиями. Детская газета сохранила многочисленные семейные истории и происшествия: визиты родственников, первоапрельские розыгрыши, радость Вирджинии и Ванессы от отмены уроков фортепиано, походы в зоопарк, катание на лодке, игры в садах Кенсингтона. Газета выходила

каждый понедельник. Разные почерки свидетельствуют о совместной работе детей над этой газетой, но со временем текстов, написанных Вирджинией, становится все больше [2]. Юные авторы сочиняли загадки, юмористические стихотворения. Они демонстрировали свое остроумие и эрудированность, иногда невпопад употребляя научные слова и усложненные конструкции, стараясь подражать взрослым. Однако возраст ощущается и в выборе тем, и во взгляде на описываемые события, что придает этим текстам особое очарование.

В доме Стивенов собирались деятели искусства, культуры (Уильям Теккерей, Томас Харди, Джорж Мередит, Генри Джэймс и др.), поэтому Вирджиния выросла среди разговоров о литературе, живописи, музыке. Обсуждали они и талант маленькой журналистки мисс Вирджинии, отдавая должное ее статьям. Лесли Стивен открыл дочери доступ в огромную семейную библиотеку, поощрял ее интерес к чтению. Каждый вечер полтора часа Лесли проводил со своими детьми, рисуя забавные картинки, а впоследствии, когда все уже достаточно подросли, он читал им вслух. После прочтения он обсуждал произведение с

детьми, задавая вопросы о понравившихся персонажах и достоинствах книги [3].

По традиции того времени девочки не получали формального образования, однако этот недостаток Лесли и Джулия Стивен пытались восполнить домашними занятиями с дочерьми. К сожалению, родителям не всегда хватало времени и терпения, а приходившим педагогам — энергии и мотивации, поэтому неизбежными стали пробелы в образовании будущей писательницы, которые ей в дальнейшем пришлось восполнять самой.

Вирджинии было тринадцать лет, когда умерла ее мать. Для девочки это было «самое страшное бедствие, которое только может свершиться» [4]. Ее мучения усиливались чувством вины: в период болезни Джулии заболела и Вирджиния, и преданная мать несмотря на свое тяжелое состояние ухаживала за дочерью. Впоследствии Вирджиния переживала, что это ухудшило здоровье матери, чей призрак долгие годы преследовал писательницу во время ее депрессивных состояний.

После смерти жены Лесли Стивен ушел в свое горе и окупился в работу. Дом погрузился в траур и полумрак, были задернуты все шторы. Сестры Стивен называли этот период «восточной тоской» [5]. Первый нервный срыв Вирджинии случился вскоре после смерти матери, летом 1895 г. Врачи, под наблюдением которых находилась девочка, настоятельно рекомендовали ей отказаться от умственных нагрузок. К 1897 г., когда семья Стивенсов начала постепенно выходить из траурной депрессии, состояние Вирджинии улучшилось. В этот период она начинает вести дневник. Вероятно, этот дневник был частью назначенной врачами терапии, и скорее его можно назвать «журналом», поскольку в нем отсутствуют личные размышления, впечатления, развитие мысли. С необычайной регулярностью Вирджиния записывает лишь внешние события, не останавливаясь на анализе собственной внутренней жизни, объем записей каждого дня приблизительно одинаковый, все это больше похоже на упражнения, а не на свободное творчество. Возможно, этот дневник является способом оставаться на твердой почве вещественного мира (в противоположность видевшемуся ей миру призраков).

В дневник Вирджиния также записывает названия книг, которые она прочитывает: их количество и разнообразие впечатляют. Чтение не только доставляет ей удовольствие, оно дает убежище от тяжелых мыслей: «книги — лучшая помощь и утешение» [6]. Несомненно, Вирджиния получает удовольствие и от процесса ведения дневника, несмотря на тривиальность записываемых событий.

В ночь на 19 июля 1897 г. умерла ее сводная сестра Стела, и эта трагедия оживила в памяти всё связанное со смертью матери. После этого дневник перестал быть опорой для Вирджинии, возможно, в связи с чувством безнадежности и ухудшившейся концентрацией внимания; она иногда пишет: «Я забыла, что сегодня произошло» [7]. Записи становятся короткими и обрывочными, иногда в дневнике появляются страницы, содержащие только дату. Конец 1897 г. знаменует и окончание этого журнала-

дневника. Более полутора лет после этого Вирджиния не вела дневниковых записей. В 1899 г. она с семьей проводит летние семинедельные каникулы в деревне Уарбойз в округе Хантингтон. Там Вирджиния начинает вести дневник, названный «Уарбойзские летние каникулы 1899», в который она заносит свои впечатления и интересные события. Большинство записей датированы, сначала они появляются ежедневно, и создается впечатление, что в ее намерения входило писать каждый день, следуя привычке, выработанной предыдущим дневником. Однако, не скованная предписаниями врачей, Вирджиния следует своему естественному ритму жизни, и уже через неделю записи появляются лишь периодически, их объем варьируется.

На страницах этого дневника Вирджиния начинает отрабатывать литературное мастерство. Она пробует использовать различные стили и голоса, часто делая это в подражательной манере. Иногда Вирджиния комментирует свой способ письма (например, 7 августа она записывает: «Я читаю усыпляющую назидательную книгу; дневник какого-то древнего епископа, написанный на текущем древнем английском, гармоничном этой меланхоличной мелодичной монотонности (что за ужасное предложение!) берега и ручья» [8]). Иногда она размышляет о возможностях писателя, формулируя для себя литературные задачи. 3 сентября, после «закатной экспедиции», Вирджиния в дневнике пишет эссе, озаглавленное «Глава о закатах», которое она подписывает AVS (Adeline Virginia Stephen). Предметом этого произведения становятся закат и освещаемый им пейзаж. Воображение юной писательницы видит человеческую драму в разворачивающейся перед ее глазами сцене. Обращает на себя внимание использование времени в произведении: изображенная картина создает ощущение вечности, что контрастирует с завершающей фразой «Всё это закончилось через 10 минут» [9] и описанием возвращения домой. Этот дневник заканчивается 23 сентября 1899 г., в день возвращения в Лондон. Вирджиния называет это лето одним из самых ее счастливых.

В апреле 1902 г. у Лесли Стивен обнаружился рак, его состояние все ухудшалось. В этот период своей жизни Вирджиния ведет дневник (впоследствии названный ею «Diary Hyde Park Gate 1903»), который по структуре напоминает сборник эссе: каждая запись озаглавлена и включена в «Содержание» на первой странице. «Единственная цель этой книги, — объясняет Вирджиния, — такая же, как и у альбома для рисования; так же, как художник заполняет страницы кусочками и фрагментами, изучением зарисовки — ног, рук и носов — все это, несомненно, важно только для него и ни для кого больше, — так же и я беру мою ручку и запечатлеваю здесь все образы, которые приходят мне в голову» [10]. Многие эссе-зарисовки сделаны во время семейных путешествий. Некоторые из них являются творческими отчетами о совершенных экскурсиях: «Экспедиция в Хэмптонский суд», «Стоунхендж», «Аббатство в Ромзей», «Снова Стоунхендж»; другие являются описаниями пространства: «Водные луга», «Рассветы», «Буря». Здесь Вирджиния также тренирует свои способности

в описании характеров: в зарисовке «Мисс Кэйс» она изображает учительницу греческого Джанет Кэйс.

В феврале 1904 г. Лесли Стивен умер. Это привело к очередному нервному срыву Вирджинии и попытке суицида, после чего все лето она провела в доме своей подруги Виолет Дикинсон под постоянным надзором трех сиделок. В сентябре Вирджинии стало лучше, и она смогла присоединиться к своим братьям и сестре, проводившим каникулы в округе Ноттингэм. Младшие Стивены давно хотели уехать из Кенсингтона, и вот теперь, после смерти отца, они были свободны в принятии решения. Выбор пал на дом в богемном районе Блумсбери. Друзья и родственники были шокированы — уж слишком скандальной была слава этого места, однако переубедить Стивенов никому не удалось: их устраивала рента, этот дом совсем не напоминал их фамильное гнездо, где бродили тени трагедий, а кроме того он располагался недалеко от Колледжа искусств, который в то время посещала Ванесса, поэтому уже осенью 1904 г. Стивены переехали в Блумсбери. Кэмбриджские друзья Тоби стали частыми гостями в их доме. Встречи происходили по четвергам. Ванесса и Вирджиния наравне с братьями и их друзьями (среди которых были Литтон Стрэчи, Сэксон Сидней Тёрнер, Клайв Белл, Дэсмонд Маккарти, Мэйнард Кейнс и др.) принимали участие в беседах, которые касались разнообразных тем, объединенных идеей несогласия с викторианскими традициями.

Это был новый период для Вирджинии, начало самостоятельной жизни. Она полагала, что ей необходимо начать зарабатывать деньги, хотя бы на покрытие расходов на докторов. Виолет Дикинсон представила ее миссис Литтлтон, редактору газеты «Гвардиан». Письма, написанные Вирджинией в ноябре 1904 г., наполнены и сомнениями в себе, и желанием публиковаться, и притворным равнодушием к возможным отказам [11]. В конце ноября Литтлтон прислала ей роман Уильяма Дина Хоуэлса для критического анализа, и 14 декабря 1904 г. статья о романе была опубликована в «Гвардиан». Неделью спустя вышло в свет следующее эссе Вирджинии — о Хауорте. С тех пор она регулярно писала небольшие статьи и обзоры. С 1905 г. началось ее долговременное сотрудничество с «Таймс Литтерари Сапплемент» (литературным приложением к журналу «Таймс») в качестве рецензента. В январе 1905 г. Вирджиния получает свой первый гонорар, о чем с восторгом записывает в дневнике.

В 1906 г. В.Вулф пишет свои первые художественные произведения, новеллы о современных женщинах, которые она не пытается публиковать. Вероятно, это объясняется тем, что Вирджиния была стеснительна и все еще напугана внешним миром, она боялась выставлять себя напоказ (ее первые критические статьи печатались анонимно). За 1906 — 1909 гг. она написала пять новелл: «Филлис и Розамунда», «Загадочный случай мисс В.», «Дневник Джоан Мартин», «Диалог на горе Пентеликон», «Мемуары романиста».

В этих новеллах в фокусе внимания писательницы оказываются женские судьбы и несостоятельность мужской традиции жизнеописания женщин. В них Вирджиния еще испытывает себя, пробуя найти новые художественные приемы создания героев, ха-

рактеров, ситуаций; она начинает развивать оригинальный стиль прозы и своеобразную повествовательную манеру. В каждой из новелл внимание фокусируется на взаимоотношениях главных героев (все они женщины) и общества. Отсутствие стилистических экспериментов — того, чем так знамениты произведения В.Вулф после 1917 г., — не означает, что новеллы не экспериментальны в нарративной технике и с тематической точки зрения. Хотя в этих произведениях и присутствуют такие традиционные элементы, как сюжет, узнаваемые типы характеров, соответствующая окружающая обстановка, все они дестабилизированы. Задача писательницы — раскрыть внутреннюю, интимную сторону жизни женщин, не обремененную мужскими традициями жизнеописания.

В одной из первых новелл «Мемуары романиста» Вирджиния ставит под вопрос адекватность жанровых канонов биографии. На протяжении всей своей жизни Вулф размышляла над возможностями этого жанра, принципами его создания. Свои идеи она выразила в эссе «Новая биография» (1927), «Искусство биографии» (1938), в которых призывает к большей свободе, к ослаблению жанровых границ. В биографии нового времени, по ее мнению, должно быть уделено место сатире, вымыслу, психологическому элементу. Ее вкус не могли удовлетворить викторианские биографии, они казались ей «восковыми фигурами, представленными в Вестминстерском аббатстве, изображающими только поверхностное сходство с телом, лежащим в гробу» [12]. Она настаивала, что пора снять «завесы стеснения и благопристойности» [13]. Вулф написала три биографические книги: «Орландо» (1928), «Флаш» (1933), «Роджер Фрай» (1940). В них она пытается преодолеть ограничения жанра, совмещая фактические данные с игрой воображения. Но задолго до того В.Вулф использовала новеллу как способ переосмыслить процесс жизнеописания.

В 1908 г. она начинает работу над своим первым романом «Путешествие вовне» (первоначальное название «Мелимброзия»). Долгий процесс писания и редактирования «изматывает ее», и Вирджиния «полна желания расправить крылья и опубликовать творение ее воображения» [14] — новеллу «Мемуары романиста». Этим произведением, написанным в 1909 г., Вулф предполагала открыть серию художественных портретов для журнала «Корнхилл», в котором она с 1908 г. была литературным обозревателем. Эта первая попытка публикации новеллы закончилась неудачей: редактор Реджинальд Смит возвратил ее автору, а Вирджиния в свою очередь прекратила сотрудничество с «Корнхилл». Этот отказ, вероятно, негативным образом сказался на ее внутренней творческой самооценке: она перестала писать новеллы вплоть до 1917 г.

Главные персонажи «Мемуаров романиста» — писательница мисс Уиллэтт, которая умерла в 1884 г., и ее подруга мисс Линзэтт, составившая двухтомную биографию Уиллэтт «Жизнь и письма». В произведении сочетаются элементы автобиографии, биографии, новеллы, эссе, обозрения. Нарратор, несомненно, высказывающий авторскую точку зрения, критикует упомянутую биографию, одновременно предлагая свой взгляд на историю обеих женщин, романиста и

биографа, основывая свои умозаключения не на сказанном, а скорее, на умолчаниях опутанной викторианскими условностями Линзэтт.

Линзэтт неукоснительно следует устоявшимся викторианским канонам биографии, над чем постоянно иронизирует нарратор. В частности, повествователь явно не устраивает описание первых семнадцати лет жизни Уиллэтт: о самой героине биограф почти ничего не говорит, кроме того, что объект исследования не сделал ничего важного в ранние годы; поэтому Линзэтт предоставляет подробную информацию о достижениях некоторых родственников мужского пола. Например, читатель биографии может узнать о двух дядях будущей писательницы, их карьере и изобретениях, о том, как раньше писалась семейная фамилия. Почти ничего не говорится про мать, лишь отмечается, что она умерла, когда Уиллэтт было шестнадцать лет. Подробно освещены лишь родственники-мужчины.

Возмущение критика-повествователя все больше растет: умалчивается так много, что следует обратиться непосредственно к письмам романистки, чтобы докопаться до сути и с помощью воображения заполнить зияющие пробелы. Нарратор периодически использует такие фразы, как «мы можем представить», «мы можем создать теорию» [15]. О первом бале Уиллэтт биограф лишь сообщает, что он состоялся; воображение повествователя позволяет описать вероятную ситуацию, сложившуюся там. Нарратор цитирует фрагмент исследуемого текста: «Никто из тех, кто прочел книгу («Распятие жизни»), не может сомневаться, что сердце, сотворившее Этэль Идэн с ее несчастной привязанностью, чувствовало что-то из этой боли, так ярко описанной; так многое мы можем сказать, еще больше сказать мы не можем», — и саркастически замечает: «Таким образом, самое интересное событие в жизни мисс Уиллэтт вследствие нервного жеманства и скучных литературных условностей ее подруги, осталось необъясненным» [16].

Как показывает повествователь, книга Линзэтт говорит больше о самом авторе, нежели об исследуемой романистке. Письма и дневники мисс Уиллэтт дают информацию о личности писательницы; оказывается, ее добродетель не так однозначна, как об этом пишет ее биограф. На страницах дневника романистка ставит под сомнение свои религиозные взгляды и альтруистическую деятельность. «Представлять ее безупречной рассудительной дамой, какой изображает ее подруга, делающей добрые дела с твердой верой, не совсем верно; напротив, она была беспокойная и недовольная жизнью женщина» [17]. Повествователь развивает мысль, что на самом деле Линзэтт была больше очарована смертью, нежели жизнью подруги. Смертное ложе становится важной частью биографии (в согласии с викторианской традицией): подробно описана болезнь мисс Уиллэтт, последние часы ее жизни; рассказывается, как тело стало менять цвет, как омывали покойницу, как рассветало и в комнате изменились краски, как защебетали воробьи и застучали повозки. Вероятно, подозревает повествователь, именно в этот момент Линзэтт полюбила свою подругу, ощутила прилив счастья и решила создать историю ее жизни.

Тема явного провала биографии развивается параллельно с темой неудачи мисс Уиллэтт как писателя. Ее романы пылятся на дальних полках библиотек, а при жизни она была популярна среди таких, как Лизэтт, отчаявшихся женщин, которым «нужно было услышать, что они часть целого» [18]. Повествователь так комментирует творческий метод мисс Уиллэтт: она «считала неприличным описывать то, что видела, поэтому вместо того, чтобы писать о своих братьях (а один из них вел чудную жизнь) или окунуться в воспоминания о своем отце (за что нам следует быть благодарными), она выдумала арабских влюбленных и усадила их на берегах Ориноко» [19].

И мисс Уиллэтт, и мисс Линзэтт — вымышленные персонажи, выдуманы и их произведения. Такая трехслойная фикциональная нарративная конструкция позволяет Вулф обобщить и оспорить традиции викторианских биографий с их канонами, условностями и умолчаниями.

Так, уже в первые годы своего творческого пути Вирджиния Вулф полемизирует с традиционными подходами. Сама она даже в ранних своих новеллах предлагает такие методы создания жизнеописаний, в которых есть место воображению и творческому воссозданию действительности, а личность описываемого изображается в ее полноте и противоречивости. Ею ставятся задачи создания литературных произведений, которые воспроизводят настоящую жизнь со всеми ее сложностями и неожиданностями, а не подводят многогранность реальности под общепринятые каноны. К темам, поднятым в этих произведениях, — роль женщины в обществе, мужской и женский взгляд на судьбы женщин, наличие возможности в современном мире развивать природные литературные таланты женщины, необходимость для писательницы «своей комнаты» — В. Вулф возвращается на протяжении всей своей творческой жизни.

1. Bell Quentin. Virginia Woolf: A Biography. N.Y.: Quality Paperback Book Club, 1992. Vol.I. P.23.
2. Hyde Park Gate News: The Stephen Family Newspaper. L.: Hesperus Press, 2006. P.xix-xxi.
3. Woolf Virginia. The Essays of Virginia Woolf // Ed. Andrew McNeillie. L.: Hogarth, 1986—1994. Vol.I. P.127-128.
4. Woolf Virginia. Reminiscences // Moment of Being. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1976. P.40. Здесь и далее перевод автора статьи.
5. Ibid.
6. Woolf Virginia. A Passionate Apprentice. The Early Journals 1897—1909. San Diego, N.Y., L.: Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 1990. P.79.
7. Ibid. P.116, 117.
8. Ibid. P.138.
9. Ibid. P.156.
10. Ibid. P.186-187.
11. Woolf Virginia. The Letters of Virginia Woolf. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1975—1980. Vol.I. P.146-151.
12. Woolf Virginia. Collected Essays / Ed. Leonard Woolf. L.: Hogarth Press, 1966. Vol.IV. P.222.
13. Ibid. P.230.
14. Bell Quentin. Op. cit. P.99, 125.
15. Woolf Virginia. The Complete Shorter Fiction of Virginia Woolf. N.Y., L.: Harcourt, Inc. 1989. P.70.
16. Ibid. P.73.
17. Ibid. P.75.
18. Ibid. P.71.
19. Ibid. P.69.